

Научная статья
УДК 008:316.42
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-197-204
EDN: SAXFDO

Гендерно-детерминированные архетипы в художественном универсуме Н. А. Некрасова

Наталья Николаевна Летина

Доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Аннотация. В статье предлагается развитие гендерно ориентированного дискурса художественного универсума Н. А. Некрасова с позиций культурфилософского и культурно-антропологического подхода. Основная задача – осмысление гендерно-детерминированных архетипов художественного мира, созданного Н. А. Некрасовым. Научная значимость статьи предьявлена, во-первых, методологически, через сформированный интегративный культурологический алгоритм анализа гендерного наполнения художественного универсума Н. А. Некрасова; во-вторых, через последовательное выявление и изучение гендерных интенций архетипов, во многом определяющих систему персонажей и драматическую динамику внутреннего мира лирического героя и, потенциально, автора. Представлены результаты культурфилософского и культурно-антропологического анализа гендерных аспектов архетипов Persona, Дитя, Animus и Anima, Матери и Отца, Мудрого старца в художественных текстах Некрасова. Художественный универсум Некрасова осмыслен как наполненный гендерно детерминированными образами, которые социально акцентированы в отечественной культурной традиции, но недооценены культурологически и философски. Сопоставление гендерных интенций с архетипическим строем системы персонажей, в интерпретации которых учитывается персональный опыт поэта, устанавливает масштаб присутствия и драматическое напряжение архетипов в художественном универсуме Н. А. Некрасова.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов; гендер; художественный универсум; гендерная проблематика; архетип; система персонажей; лирический герой; автор

Для цитирования: Летина Н. Н. Гендерно-детерминированные архетипы в художественном универсуме Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 197–204. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-197-204>. <https://elibrary.ru/SAXFDO>

Original article

Gender determined archetypes in N. A. Nekrasov's artistic universe

Natalia N. Letina

Doctor of cultural studies, associate professor, professor of cultural studies department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Abstract. The article discusses the gender-oriented discourse of N. A. Nekrasov's artistic universe from the perspective of cultural-philosophical and cultural-anthropological approach. The main task is to interpret the gender-determined archetypes of the artistic world created by N. A. Nekrasov. The scientific significance of the article is demonstrated, firstly, methodologically, through the generated integrative cultural algorithm of the gender content analysis of N. A. Nekrasov's artistic universe, and, secondly, through consistent identifying and studying the archetypal gender intents which largely determine the system of characters and the drama of the inner world of the lyrical protagonist and, potentially, of the author. The article presents the results of the cultural-philosophical and cultural-anthropological analysis of gender aspects of the archetypes Persona, Child, Animus and Anima, Mother and Father, Wise Elder in Nekrasov's literary texts. Nekrasov's artistic universe is comprehended as full of gender-determined images which are socially accentuated in the national cultural tradition, but underestimated in terms of culture studies and philosophy. The comparison of gender intents with the archetypal character system, where the poet's personal experience is taken into account, establishes the scale of presence and dramatic tension of archetypes in N. A. Nekrasov's artistic universe.

Key words: N. A. Nekrasov; gender; artistic universe; gender issues; archetype; character system; lyrical hero; author

For citation: Letina N. N. Gender determined archetypes in N. A. Nekrasov's artistic universe. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):197–204. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-197-204>. <https://elibrary.ru/SAXFDO>

Введение

Художественный универсум Н. А. Некрасова предоставляет возможность предложить отличающийся новизной применительно к русской культурфилософской традиции аналитический прием: осмыслить «гендер» в картине мира выдающегося творца через «архетип» (К. Г. Юнг) как исходный код человеческого сознания [Юнг, 1996, с. 57] и творчества. Сразу отметим, что при анализе эстетических практик в мировой и отечественной науке сложилась традиция отождествлять архетипы с конкретными элементами художественной структуры произведения: «юнговские архетипы, во-первых, представляют собой преимущественно образы, персонажи, в лучшем случае роли и в гораздо меньшей мере сюжеты» [Мелетинский, 1994, с. 6].

Мы впервые развиваем данную традицию, осмысливая *гендерные роли персонажей* некрасовского универсума посредством юнгианского дискурса архетипов, что составляет один ракурс гендерно ориентированной экстраполяции теории архетипов К. Г. Юнга. Другой ракурс, также принципиально новый для отечественного «некрасоведения», – актуализация гендерного потенциала юнгианского алгоритма «*индивидуации*» как процесса спонтанного, естественного движения от внешнего к внутреннему (от Persona через Тень, Дитя, мужской и женский архетипы к Самости) применительно к анализу *гендерной проблематики и гендерных аспектов творчества* Н. А. Некрасова. Иными словами, мы находим возможность применить архетипический принцип анализа гендерной проблематики как применительно к персонажному ряду универсума, так и применительно к авторскому жизнетворчеству.

Методы исследования: культурологическая интеграция культурфилософского и культурно-антропологического подходов, гендерного анализа, структурно-функционального и семантического анализа, текстологического и элементов лексического анализа обширного комплекса гендерно-детерминированных текстов Н. А. Некрасова.

Результаты исследования

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Persona

Мы полагаем, что гендерный аспект воплощения Persona (первой в юнгианском алгоритме) в универсуме Н. А. Некрасова эвристически и методологически корректно рассматривать как специфическую версию гендерного дисплея – варианта «дисплея идентичности /.../ категоризации по признаку пола» [Здравомыслова, Темкина]. *Гендерный дисплей персонажей* художественного универсума Н. А. Некрасова осуществляется вполне в русле архетипической когнитивной процессуальности, описанной Э. Кассирером [Кассирер, 2002, с. 44], и является продуктом индивидуального творчества, отражающим преломленные авторским сознанием (и авторским бессознательным) гендерные стереотипы и гендерные роли, характерные для России 1820-х-1870-х гг. Применительно к пониманию гендерной проблематики творчества Некрасова весьма актуальны два противоположные тезиса «о дискурсивном понимании социального и социальном конструировании дискурса» [Теория и методология гендерных исследований, 2001, с. 268].

Итак, как мы видим на основе архетипических представлений, Persona персонажей лирики Н. А. Некрасова позволяет установить, во-первых, их обобщенную, маскулинную и феминную идентичность, о которой мы ранее [Злотникова, Летина, 2021, с. 200–206] писали; во-вторых, обозначить специально интересующие нас гендерные роли персонажей, среди которых – будь то персонажи-маргиналы или социально определенные, крестьяне/аристократы – доминируют универсальные (в привычных социально-культурных представлениях, традиционные): муж / жена, отец / мать, жених / невеста, сын / дочь / дети, бабушка / дед. Не всегда очевидную уникальность некрасовских персонажей мы видим в детализированной, подчас публицистически поданной интеграции социальной и гендерной конкретности (облик, род занятий, психологический портрет) с символической обобщенностью, которая обуславливается повторяемостью душевных состояний и авторских оценок людей. В универсуме Н. А. Некрасова предьявлены и

специфические гендерные роли, которые можно обозначить как социальные маски, опирающиеся на представления о персонажах сентименталистской и романтической парадигмы – влюбленный (лирический герой) и возлюбленная (лирическая героиня). Экстраординарная гендерная социальная маска в творчестве Н. А. Некрасова связана с уникальной ситуацией литературного продолжения жизненного *ménage à trois*, союза «по сердцу» и соавторства с А. Я. Панаевой с ее, традиционным для западноевропейской культуры, маскулинным псевдонимом «Н. Н. Станицкий». Экстраординарность этой женщины является «особо эксплицитной», поскольку она, как писала о подобной коллизии исследовательница, «пытается перейти поставленные ей культурой границы и вступить в область маскулинного» [Шапинская, 2014, с. 331]

Специфичен и парадоксален гендерный аспект *Persona* персонажей, выполняющих функции культурных героев (поэта, гражданина, просветителя, журналиста, издателя): она сочетает в себе маскулинную идентичность с агендерной аскезой-служением России, народу, идеалам и феминной эмпатийностью к страданиям («Поэт и гражданин», «Памяти Добролюбова», «Памяти Белинского»).

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Тени

Гендерный аспект следующего, согласно выбранному нами юнгианскому алгоритму, архетипа – Тени (*Schatten*) – мы предлагаем рассматривать как воплощение негативных гендерных интенций, которое может быть представлено непосредственно конкретными персонажами, так и имперсональными качествами.

Негативные гендерные интенции в некрасовском универсуме проявляют как мужские персонажи (торгаш и городской из «Вора», убийцалесник в «Коробейниках», ироничная версия романтического героя Лев Алексеич Агарин («Саша»), безумный князь Утятин, ограниченный поп, замаливающий грехи Савелий-богатырь («Кому на Руси жить хорошо»), практикующий домашнее насилие муж («Катерина»)), так и женские – жестокая практичная свекровь Матрены Тимофеевны («Кому на Руси жить хорошо»), падшая женщина («Убогая и нарядная»), ограниченная барыня – «женщина, каких много», знахарка-ведьма, лицемерная и бездушная аристократка-княгиня («Дом – дворец роскошный, длинный, двухэтажный»). Согласимся с В. Кантором, который отмечал парадоксальное едино-

мыслие Некрасова и Чернышевского в отношении к распутству и разбойничеству русских женщин как явным нравственно-бытовым отклонениям [Кантор, 2016, с. 191].

Хорошо известное и закрепленное в культурной традиции социальное обличение, характерное для нравственно-философского и художественного универсума Н. А. Некрасова, сопровождается поэтическим философско-антропологическим обобщением, благодаря которому архетип Тени получает негативное содержательное наполнение, аккумулируя в маскулинном варианте агрессию, насилие (остро стоит тема домашнего насилия), пьянство, воровство, разбой, самодурство, глупость, несправедливость, зависть, мелочность, отсутствие гражданского мужества, слабость; в феминном – бездушность, бесчувственность, бессердечие, иронию, безнравственность, бесстыдство, неверность, негативный опыт материнства.

Представляется важным отметить то, как В. Кантор органически соотносил социальные и гендерные ориентиры и проблемы, характеризовавшие жизненное пространство Некрасова. Отмечая, что «он долго чувствовал себя бедным разночинцем», философ подчеркивал: Некрасов желал, но не смел «претендовать на внимание красивых светских дам» (А. Я. Панаевой) [Кантор, 2016, с. 140], существуя в тени более социально статусных мужчин. Неудивительно, что архетип Тени выявляется и применительно к маскулинному лирическому герою, максимально сближаясь с темной стороной *alter ego* самого поэта. В панаевском цикле есть «мужская страсть, которая не знает ограничений, которая и любит, и ненавидит одновременно» [Быков, 2017], вызывавшая у самого лирического героя стыд за свое бессилие. Боль, болезнь, несостоятельность, слабость, страх смерти – мучительные для лирического «Я» некрасовского универсума темы, то вытесняемые в архетип Тени, то мигрирующие из индивидуального бессознательного в пространство сознания («Поражена потерей невозвратной», «Двести уж дней, двести ночей муки мои продолжают», «Не лелей никаких упований», «Я за то глубоко презираю себя»). Встречи лирического героя Н. А. Некрасова с воплощенным воочию архетипом Тени приводит к осознанию бессилия, что в контексте маскулинности синонимично ее утрате, однако сам факт рефлексии над содержанием собственного индивидуального бессознательного, над своими «позорными пятнами» является, согласно

К. Г. Юнгу, показателем прохождения определенного этапа индивидуации. Так, архетип Тени выступает у Н. А. Некрасова как концентрация негативного культурного в целом и гендерного, в частности, опыта.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Дитя

Гендерный аспект архетипа Дитя во многом инспирирован в универсуме Некрасова крестьянской социальной идентичностью большинства детских персонажей. В перспективе труда – причем, тяжелого физически, – как парадигмы патриархального быта и бытия крестьянина, ребенок маскулинной идентичности рассматривается более ценным, нежели феминной: «девчонок ненадобно мне», – показательно замечает Прокл («Мороз, Красный нос»). В силу тяжелого, трудового детства крестьянские дети нередко предстают «маленькими взрослыми», подобно Власу, известному в массовом сознании как «мужичок с ноготок». Эта ранняя взрослость крестьянских детей может быть интерпретирована как их символическая смерть, впрочем, и к буквальной в универсуме Н. А. Некрасова читателю необходимо быть готовым: «Но вырастет он, если Богу угодно, / А сгнубить ничто не мешает ему». Труд (физический аспект) и познание (интеллектуальный аспект), сиротство (социальный аспект) и одиночество (экзистенциальный аспект) для архетипа Дитя являются способами перехода к мужскому и женскому архетипам – символической смерти детства, символической жертвы, неотвратимой инициации, с которой Н. А. Некрасов эмоционально не согласен.

Архетип Дитя в художественном универсуме Н. А. Некрасова верифицируется и в художественной экспликации собирательного концепта детства с чертами «детскости», и решается в агендерной проекции. В отечественной культурной традиции страдание – ключевая примета детства, во многом инспирирована травматичностью собственного детства поэта. Ф. М. Достоевский вспоминал, что у Н. А. Некрасова «было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживавшая рана /.../ и была источником ... всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетет /.../ нашего ребенка в русской семье» [Достоевский]. Многочисленные смерти братьев и сестер, несостоявшееся отцовство обусловили особо трепетное отношение к детям («коснулось души умиленье»), в котором, конечно, есть место и ком-

пенсаторной сублимации, но также и архетипу Дитя.

Нежная беззащитность и наивность (но не инфантильность) – значимая грань проявления архетипа Дитя. У взрослого маскулинного лирического героя некрасовского универсума – неизбывная эмоциональная потребность в абсолютной материнской любви, потребность ощущать себя и быть – сыном. Взрослый лирический герой идентифицирует себя сыном Родины, встреча с которой носит катартический характер («Тишина»). Интеллектуальная грань проявления детского архетипа в переживаниях лирического героя раскрывается в потребности в учителе, наставнике и осознании себя как ученика («Демону»). Показательным моментом для диагностики успешности процесса индивидуации лирического героя и, вероятно, автора, является осознанность детского как сыновьего, ученического, перевод бессознательного содержания архетипа в область сознания. При этом фиксация на гендерной роли сына и комплекс вины по отношению к матери (и Родине) являются симптомами неразрешенной детской травмы.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипов Animus и Anima

Архетип Animus в некрасовском универсуме выражен тем составом персонажей (и соответствующими качествами), которые в предшествующей статье [Злотникова, Летина, 2021, с. 203–204] были охарактеризованы как культурные герои. В горизонте индивидуации мы вновь верифицируем как наличие художественных экспликаций архетипа, так и высокой степени его осознанности на уровне самоидентификации. Образцом Animus может быть позиционирован В. Г. Белинский, в некрасовском универсуме не только соответствующий, но формулирующий идеал маскулинного культурного героя России («В. Г. Белинский»). Парадоксально, что одной из ключевых характеристик Белинского у Некрасова в другом стихотворении является агендерная сентименталистско-романтическая «наивная и страстная душа» («Памяти Белинского»).

Актуализацию архетипа Anima с присущими ему синергийными проявлениями бессознательного мы видим у Некрасова в поэме «Саша», где заглавная героиня осуществляет переход к этому архетипу от архетипа Дитя в результате кризисной инициации. Поскольку Саша являет собой собирательный образ русской романтической героини (наиболее отчетливы аллюзии к Татьяне Лариной и Тамаре – исследователь ставил в ряд с

пушкинской героиней и последующих, тургеневских, подчеркивая связанный нею мотив работы, как писал советский исследователь, «на пользу общественную» [Евгеньев-Максимов, 1953, с. 60]), то выбор ею просвещения является показательной перекодировкой Некрасовым романтической версии томящейся Ани́та в модернизированную модель просвещенной и феминистки настроенной Ани́та, «думающей думу».

В свете реализации архетипа Ани́та в художественном универсуме поэта мы обращаем особое внимание на значимость концепта «души». Душа у Некрасова, на первый взгляд, имеет только человеческое, близкое психологическому, измерение – средоточие внутреннего мира лирического героя («моя душа»). Однако онтическая природа души позиционирована сакральной – это искра Божья, исток жизни («живая» душа, по аналогии с христианским символизмом Я. Беме и М. Экхарта), вместилище абсолютных ценностей (прежде всего – свободы, любви, красоты, добра, целомудрия), и в таком своем качестве душа оживотворяет не только персонажей-людей, и особенно – культурных героев и героинь, но и русскую природу, Родину, являясь ее скрытой анимистической сущностью. «Душа» России приоткрывается лирическому герою в традициях мистики в тишине («Тишина»). Сущностно «душа» России оказывается исполнена энергией связи, партиципации: она «врачует» душу лирического героя, вызывает в ней «умиление», и настраивает ее на молитву Богу в православном храме. И хотя, перефразируя Ж. де Сталь, душа не имеет пола, в некрасовском универсуме она мыслится феминными конструктами. Душа – утонченное воплощение архетипа Анимы Н. А. Некрасовым, связанное с жизнью, эмоциональностью, эмпатией, энергичностью, интравертностью, травмированностью.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипов Матери и Отца

Мужской и женский архетипы в художественном универсуме Н. А. Некрасова равнозначно представлены и архетипами отца и матери, восприятие и осознание которых для лирического героя (и автора) всегда существует во взаимной корреляции и одновременно дихотомии. Коррелирует их реализация и с образами мужа / жены, вероятно, в силу ассоциативной легитимации браком гендерной роли материнства и отцовства.

Положение К. Г. Юнга о матери как могущественном первообразе, который «окрашивает и

даже определяет в течение индивидуальной и сознательной жизни отношение к женщине» [Юнг, 1996], полностью эксплицировано в художественном универсуме Н. А. Некрасова. Галерея феминных персонажей – от собственной матери «мученицы» («Рыцарь на час», «Мать»), далее к потерявшей сына-младенца лирической героине панаевского цикла (прототип – А. Я. Панаева), до покинувших детей ради мужей аристократок Волконской и Трубецкой («Русские женщины»), многочисленных крестьянок (Матрена Тимофеевна, Дарья, безымянные героини) генерирует модальность страдания, мученичества, жертвенности, и – святости, величия. Страдающее материнство детерминировано страдающей феминностью в России, основными причинами которого являются гендерная дискриминация, несвобода (от отсутствия прав до крепостничества), домашнее насилие со стороны мужчин.

Социально-психологический акцент делается Некрасовым через сопоставление архетипов (мучения и гибель матери – вина отца), но даже в фиксации источника страданий лирической героиней в логике бриколажа (К. Леви-Брюль) уклоняется от прямого его (отца) называния: «Кто жизнь твою сгубил. . . о! знаю, знаю я!». Семья – по Юнгу, воплощение архетипа матери на зрелой стадии развития сознания, – в художественном универсуме Некрасова всегда находится или в состоянии травмы или готовности к ней (Волконские, Трубецкие, семья Саши, семья Катерины, семья Дарьи и Прокла).

Из непреодоленной детской травмы Некрасова в его художественном универсуме вырастает своего рода девальвация и даже дискредитация архетипа отца и предков-мужчин: «жизнь текла отцов моих, бесплодна и пуста, / Текла среди пиров, бессмысленного чванства, / Разврата грязного и мелкого тиранства». Именно из этой ситуации происходит формирование и присвоение «травмированным я» лирического героя в силу принадлежности к роду и биологическому полу комплекса вины маскулинности перед феминностью, а также фиксация природы травмирующих иерархических гендерных отношений – власти. Социально-нравственная и художественная логика Н. А. Некрасова здесь вполне соответствует логике встречи сознания с архетипом отца: «Отец – это аистог и авторитет, а потому закон и государство. Он – это то, что /.../ создает и управляет» [Юнг, Проблемы].

Архетип Отца в его положительной – абсолютной, божественной ипостаси в творчестве

Н. А. Некрасова решен образом Бога (положительный полюс) и отчасти экстраполирован Морозу, Красному Носу (отрицательный полюс). Первый – сакрализован в своей христианско-феодалной версии всеобщего Господина. Второй – сакрализован в качестве национально-народной версии хозяина смерти, загробного мира и лукавого обольстителя. Первый волен дать / не дать, спасти / не спасти, его пути неисповедимы, но масштаб страданий Родины, народа, русских женщин, культурных героев свидетельствует о характере божественного предопределения в национальном горизонте. Мороз способен избавить от страданий, насылая прекрасную иллюзию видений и буквально – замораживая, навсегда освобождая от способности как чувствовать, так и жить. Отцовская модальность характерна для отношения лирического героя поздних стихотворений, посвященных жене поэта – Зине, которую он зовет «дитя» («Ты еще на жизнь имеешь право», «Двести уж дней»).

Гражданский пафос социального обличения, модальность «гнева и печали» поэзии Н. А. Некрасова отчасти могут быть прояснены имманентной противоречивостью в осознании им архетипа Отца, поскольку именно «...образ отца распространяется на все возможные сферы, соответствующие его значению. /.../ человек /.../ открывает для себя государство, закон, долг, ответственность и разум» [Юнг, 1996]. Качества и функции архетипа в некрасовском универсуме расщепляются – негативный полюс оказывается зафиксирован за обществом, позитивный – за просвещением, творчеством, гражданской активностью.

Гендерно-детерминированные аспекты архетипа Мудрого старца

Венчающий юнгианский алгоритм архетип мудрого старца, освещающего «хаотическую темноту жизни лучом смысла», просветленного, учителя и мастера, психопомпа (водителя души) [Юнг, Архетип и символ] реализуется в художественном универсуме по сходной модели – и в системе персонажей, и в логике индивидуации.

«Мудрость» старцев и стариков в творчестве Н. А. Некрасова предстает в первую очередь как доброта. Ее проявляют торговец дядушка Яков и, конечно, дед Мазай. Простодушие, доверчивость характерна для старого Тихоньча, отзывчивость – для Савелия, глубина раскаяния для губернатора из «Русских женщин», старика Власа. Возникает впечатление, что именно доброта, способность к сопереживанию, сочувствию,

прощению – особая мудрость, к которой приходят пережившие и видевшие немало страданий некрасовские старики. В функции «водителя души», наставника и учителя выступает развенчанный генерал – дед Саши («Дедушка»), отнюдь не старик в возрастном плане В. Г. Белинский («Ты нас гуманно мыслить научил»). Но среди персонажей есть и редкая теневая сторона старости – душегуб-лесник из «Коробейников», ростовщик («подлый») старик).

Мрачной, безнадежной для лирического героя оказывается собственная «старость», которая имеет не возрастной (Н. А. Некрасов не дожил до 60 лет), а экзистенциальный статус, детерминированный «недугом тяжким и злым». Это персональная эсхатология, с которой он связывает торжество разума (смысла, за который отвечает архетип старца) над сердцем (эмоциональностью, связанной с архетипом Anima) и осознание бессилия (сила – маркер маскулинности): «Не лелей никаких упований, / Перед разумом сердце смири, / В созерцаньи народных страданий / И в сознанье бессилья – умри». Мучительная болезнь Н. А. Некрасова эксплицируется в тоске по смерти лирического героя «Черный день! Как нищий просит хлеба, / Смерти, смерти я прошу у неба, / Я прошу ее у докторов...», «Устал я, устал я... мне время уснуть». Но если «просит отдыха слабое тело», то душу лирического героя «тайная жажда томит», поэтому в светлые дни смертельно больной поэт просил жену: «Пододвинь перо, бумагу, книги».

К. Г. Юнг акцентировал, что мудрый старец, являясь «водителем души», является отцом и одновременно сыном девы-души – Анимы, что явно выражено и в итоговом самосознании Н. А. Некрасова. Мудрый старец в опыте лирического героя коррелирует с осознанием самости – финальной стадией индивидуации, – и в этом своем качестве лирический герой позиционирует себя как поэта и сына Родины «милой»: «Как человека забудь меня – частного, / Но как поэта – суди... / И не боюсь я суда того строгого / Чист пред тобою я, мать. / В том лишь виновен, что многого, многого / Здесь мне не дали сказать...». И на вершинной стадии развития индивидуального сознания, пройдя путь до самости, лирический герой / поэт демонстрирует фиксацию на гендерной роли сына и фиксирует комплекс вины, свидетельствующие в философии травмы о расщеплении личности и доминировании «я травмированного», оставшемся в возрасте

и роли (дитя и сын) травмы. И в этом горизонте поэт победил, но человек – проиграл.

Заключение

Как позволяет утверждать проведенное нами на интегративной, культурфилософской и культурно-антропологической базе исследование, художественный универсум Некрасова наполнен гендерно детерминированными образами, которые социально акцентированы в отечественной культурной традиции, но культурологически и философски недооценены. Сопоставление гендерных представлений с архетипически детерминированной системой персонажей, в понимании которых учитывается личный опыт поэта, позволяет установить широту проявления архетипов и драматическое напряжение их художественного осмысления и взаимной интеграции.

Библиографический список

- Бердяев Н. А. Судьба России. Москва : Сов. писатель, 1990. 348 с.
- Быков Д. Л. Воскрешение Некрасова. Лекция. Фестиваль «Дни Н. А. Некрасова в Вятском», село Вятское, Некрасовский район, Ярославская область. 2.08.2017 г. URL: http://www.limonow.de/myfavorites/DB_LPR.html#2017.07.02 (дата обращения 2.03.2022).
- Воронина О. А. Символизм женственности и мужественности в русской культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 172–179.
- Воронкова Н. Ю. Образ женщины в лирике Н. А. Некрасова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-3. С. 45–48.
- Гасанов И. А. Особенности гендер-концепта в творчестве Н. А. Некрасова и в кавказской поэзии XIX–XX веков // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10. № 2. С. 60–64.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя. URL: http://rulibrary.ru/dostoevskiy/dnevnik_pisatelya/314 (дата обращения 2.03.2022).
- Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова. Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1953. 283 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Гендерный дисплей // Термины гендерных исследований. URL: https://gender.academic.ru/320/Гендерный_дисплей (дата обращения 05.05.2022).
- Злотникова Т. С., Летина Н. Н. Гендер в художественном универсуме Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2. С. 200–206.
- Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных исследований, 2016. 528 с.
- Кассирер Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 2. Москва, Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. 280 с.
- Культурология. Энциклопедия. В 2 т. Москва : РОССПЭН, 2007. Том 1. 1392 с. Т. 2. 1184 с.
- Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. Москва : РГГУ, 1994. С. 1–136.
- Неретина С. С., Огурцов А. А. Концепт как возможность постижения смысла // Теоретическая культурология. Москва : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.
- Некрасов Н. А. Собр. соч. : в 15 т. Т. 5. / под общей ред. К. И. Чуковского. Москва : Худ. лит., 1966. 590 с.
- Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. Москва : Голос, 2015. 536 с.
- Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Т. 2. Москва : Прогресс – Традиция, 2009. 544 с.
- Смирнов А. Г. Исследование творчества народного поэта Н. А. Некрасова // Приволжский научный журнал. 2015. №2(34). С. 227–230.
- Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / под общ. Редакцией О. А. Ворониной. Москва : МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001. 416 с.
- Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1952. 644 с.
- Шапинская Е. Н. Избранные работы по философии культуры. Москва : ООО «Издательство «Согласие»; Издательство «Артём», 2014. 456 с.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> (дата обращения 12.05.2022).
- Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. Москва : Изд. гр. «Прогресс»: Универс, 1996. 329 с.

Reference list

- Berdjaev N. A. Sud'ba Rossii = The fate of Russia. Moskva : Sov. pisatel', 1990. 348 s.
- Bykov D. L. Voskreshenie Nekrasova. Lekcija. Festival' «Dni N. A. Nekrasova v Vjatskom», selo Vjatskoe, Nekrasovskij rajon, Jaroslavskaja oblast'. 2.08.2017 g. = Resurrection of Nekrasov. Lecture. The festival «N. A. Nekrasov's Days in Vyatskoye», Vyatskoye village, Nekrasovsky district, Yaroslavl region. 2.08.2017 g. URL: http://www.limonow.de/myfavorites/DB_LPR.html#2017.07.02 (data obrashhenija 2.03.2022).
- Voronina O. A. Simvolizm zhenstvennosti i muzhestvennosti v russkoj kul'ture = Symbolism of femininity and masculinity in Russian culture // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4 (15). S. 172–179.
- Voronkova N. Ju. Obraz zhenshhiny v lirike N.A. Nekrasova = The woman's image in N.A. Nekrasov's lyrics // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 5-3. S. 45–48.

5. Gasanov I. A. Osobennosti gender-koncepta v tvorčestve N. A. Nekrasova i v kavkazskoj poezii XIX–XX vekov = Peculiarities of the gender concept in N. A. Nekrasov's works and in Caucasian poetry of the 19th–20th centuries // *Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Obščestvennye i gumanitarnye nauki*. 2016. T. 10. № 2. S. 60–64.
6. Dostoevskij F. M. Dnevnik pisatelja = The writer's diary. URL: http://rulibrary.ru/dostoevskij/dnevnik_pisatelya/314 (data obrashhenija 2.03.2022).
7. Evgen'ev-Maksimov V. E. Tvorčeskij put' N. A. Nekrasova = N.A. Nekrasov's creative way. Moskva-Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. 283 s.
8. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Gendernyj displej = Gender display // *Terminy gendernyh issledovanij*. URL: https://gender.academic.ru/320/Gendernyj_displej (data obrashhenija 05.05.2022).
9. Zlotnikova T. S., Letina N. N. Gender v hudožestvennom universonom N. A. Nekrasova = Gender in N.A. Nekrasov's artistic universe // *Verhnevolskij filologičeskij vestnik*. 2021. № 2. S. 200–206.
10. Kantor V. K. «Srublennoe drevo žizni». Sud'ba Nikolaja Chernyševskogo = «The logged tree of life». The fate of Nikolai Chernyševsky. Moskva, Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh issledovanij, 2016. 528 s.
11. Kassirer Je. Filosofija simvoličeskikh form = The philosophy of symbolic forms. V 3 t. T. 2. Moskva, Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 2002. 280 s.
12. Kul'turologija. Jenciklopedija = Cultural studies. Encyclopedia. V 2 t. Moskva : ROSSPJeN, 2007. Tom 1. 1392 s. T. 2. 1184 s.
13. Meletinskij E. M. O literaturnyh arhetipah = On literary archetypes. Moskva : RGGU, 1994. S. 1–136.
14. Neretina S. S., Ogurcov A. A. Koncept kak vozmožnost' postizhenija smysla = Concept as an opportunity to comprehend the meaning // *Teoretičeskaja kul'turologija*. Moskva : Akademičeskij proekt; Ekaterinburg : Delovaja kniga; RIK, 2005. 624 s.
15. Nekrasov N. A. *Sobr. Soch.* = Collected works : v 15 t. T. 5. / pod obščej red. K. I. Čukovskogo. Moskva : Hud. lit., 1966. 590 s.
16. Nikol'skij S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretacii otečestvennoj literatury XIX–XX vv. = Horizons of meanings. Philosophical interpretations of national literature in the 19th–20th centuries. Moskva : Golos, 2015. 536 s.
17. Nikol'skij S. A., Filimonov V. P. Russkoe mirovozzrenie = Russian worldview. T. 2. Moskva : Progress – Tradicija, 2009. 544 s.
18. Smirnov A. G. Issledovanie tvorčestva narodnogo poeta N. A. Nekrasova = Studying the work of the folk poet N.A. Nekrasov // *Privolzhskij nauchnyj žurnal*. 2015. №2(34). S. 227–230.
19. Teorija i metodologija gendernyh issledovanij. Kurs lekcij = Theory and methodology of gender studies. A course of lectures / pod obšč. redakciej O. A. Voroninoj. Moskva : MCGI-MVShSJeN-MFF, 2001. 416 s.
20. Čukovskij K. I. Masterstvo Nekrasova = Nekrasov's mastery. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudožestvennoj literatury, 1952. 644 s.
21. Šapinskaja E. N. Izbrannye raboty po filosofii kul'tury = Selected works on the philosophy of culture. Moskva : OOO «Izdatel'stvo «Soglasie»; Izdatel'stvo «Artjom», 2014. 456 s.
22. Jung K. G. Arhetip i simvol. Ob arhetipah kollektivnogo bessoznatel'nogo = Archetype and symbol. On the archetypes of the collective unconscious. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> (data obrashhenija 12.05.2022).
23. Jung K. G. Problemy duši našego vremeni = The soul problems of our time. Moskva : Izd. gr. «Progress»: Univers, 1996. 329 s.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 15.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.